ВИКТОР МАЦАЛЬ
ВЫХОД ДРАКОНА

Виктор Мацаль
Выход Дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70290070
SelfPub; 2024

Аннотация

В любой момент Мир может уйти из-под ног. То, что казалось незыблемым, что было основой счастья, началом любого начала, рассыпается на глазах стремительно и неминуемо. Всё, что остаётся в этот момент – наблюдать и не верить. Отрицать до последнего и время от времени истерически хихикать.Любимые расстаются. Старая, как само время, история. Так бывает. Бывало почти с каждым из нас. Когда-то уходим мы. Когда-то уходят от нас. И когда эмоции ослабляют свою хватку, остаётся лишь один леденящий душу вопрос: а как жить? Опустошенность. Горечь. Боль. Это мучительно. Но это не приговор. Это лишь остановки на пути. Куда ведёт путь, каждый решает сам. Каждый сам выбирает направление. Станет ли Обида заунывным попутчиком? Будет ли Гнев путать тропинки? Так или иначе, чтобы жить дальше – нужно идти. От старых руин к новому горизонту. К иному себе. Одним утром измученный Антон обнаруживает в себе желание жить. Антон начинает свой путь.

Содержание

Выход первый. 4
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Виктор Мацаль
Выход Дракона

Выход первый.

Смотрю на себя в зеркало. Кто этот незнакомый мне человек? Я? Почему я выгляжу именно так? Почему именно это лицо – моё лицо? Может, это и не я вовсе? Могу выглядеть как угодно, но выгляжу именно так. Словно много читал про себя, но сейчас, когда вижу героя, понимаю, что представлял себя иначе. Сильно иначе. Тот, кто обитает в моей черепной коробке, признаёт себя в этом теле? Кто ты вообще? Голова идёт кругом.

Питер накрылся циклоном. Словно бухой я одеялом с гусиным пухом, в очередной раз засыпая в пьяном бреду на дешёвом матрасе в пустой холодной квартире. Приятного мало. Уже пару дней город погружен в снегопад и лёгкий стресс. МЧС шлёт всем предупреждение: «Будьте внимательны и осторожны!». Улицы забиты пробками. Тарифы такси улетели в космос. Повсюду снуют снегоуборщики. Курьеры отчаянно пробиваются сквозь метель. Боюсь представить, сколько злых людей сейчас в Пулково.

Снег все сыпется, как и моя нервная система. Полным ходом идёт украшение улиц города к Новому году. Там и тут

свисают пёстрые плоды праздничных украшений. От столба к столбу лианами тянутся провода гирлянд. Люди способны пережить любую катастрофу, если уверены в том, что потом точно будет праздник. Сейчас же люди по привычке куда-то раздраженно спешат.

Ну а я бухаю. С тех пор, как меня бросила жена. Не то, чтобы я этого хотел. Но это так. Могу себе позволить. Я в отпуске. Шесть месяцев в море без единой капли алкоголя – это сложно. Всаживать по бутылке джина в день – это легко. Но не для печени. И психики. С этим нужно что-то делать. Вот я и выползаю из конуры на встречу с психотерапевтом.

Ноги тонут в рыхлом снегу. Снежная стружка колет лицо. Купленная в Ливерпуле парка греет меня уже восемь лет. Надо бы в благодарность за надёжную службу сдать её в химчистку. И починить эту проклятую молнию, наконец. Приходится надевать куртку через голову. Выгляжу нелепо. А с чего это мне не насрать, как я выгляжу? Хорошая мысль. Запомню её. Наверное, это свежий воздух так на меня действует. Сама жизнь просачивается через лёгкие в мой череп, в котором, словно уродец в растворе, болтается в спирту мой воспалённый мозг. Жую лавровый лист. Говорят, помогает от перегара.

Четвёртый час дня. Неспешно, словно кто-то медленно крутит диммер хмурого неба, в крахмале плотного снегопада над городом густеет день. Сплёвываю зелёную кашицу в сугроб. Та ещё дрянь. Спускаюсь в общем потоке людей в

метро. Выберусь на поверхность уже в подсвеченный праздничными огнями сумрак.

Мне нужна помощь. Надоело ныть. Но нытиком быть не перестану. Слишком многое понимаю. Слишком многое не понимаю. Остаётся только ныть. Надоело себя жалеть. Но только опустившись на самое дно, я смогу от него оттолкнуться и выплыть на поверхность. И я на дне. Плыву в массе напряжённых людей. Снег тает на их одежде и обуви. Содержимое моего желудка просится наружу.

А мои мысли всё утыкаются в одни и те же слова.

Оно говорит: «Я тебя больше не люблю».

Я говорю: «Ладно».

Она говорит: «Ты не понял. Я. Тебя. Больше. Не. Люблю».

Я говорю: «Ладно».

Знал, что такое бывает. Не знал, что это будет с ней. Со мной. С нами. Человек просто перестаёт любить. И все. Она все давно решила. Я не решал ничего.

Чтобы не опаздывать на встречи, я всегда тяну до последнего, дабы быть абсолютно уверенным в том, что уже опаздываю. Это заставляет двигаться быстрее. Так только допущу мысль, что времени ещё полно – всё, считай, я уже опоздал. Неважно как, но это работает. Вот и сейчас смотрю на разбитый экран смартфона и прикидываю, что опоздаю минут на десять. Но я не опоздаю.

Осознаю, что мне комфортно в новом вагоне метро. Даже освещение не пропадает. А оно вообще пропадало? Или я

брежу? Так мы устроены – хорошее просто есть. А плохое надо бы обвести, подчеркнуть, зациклить. Есть в нашем человеке неуёмная страсть быть угрюмым, несмотря ни на что.

Подобно зверю, чья нога зажата зубьями капкана, мне так же не вырваться из агонии мучительных воспоминаний. В отчаянии зверь способен отгрызть себе лапу. А на что способен я? Эта агония замкнута на мне.

Я спрашиваю: «Как долго?»

Она говорит: «Три года»

Я говорю: «Теперь я знаю. Мы справимся».

Она говорит: «Нет. Я не хочу».

Поднимаясь на эскалаторе, заглядываю людям в лица. Мужчины, женщины. Многие отводят взгляд. Но некоторые вглядываются в ответ, словно пытаются разглядеть во мне достойного собутыльника.

Выхожу на улице, как и планировал – в сумрак. Центр уже украшен. Всякого рода снежинки и гирлянды свисают со стен старинных домов и тянутся через весь Невский проспект от столба к столбу. Сквозь толщу снегопада огни игриво ловят гало и смешиваются друг с другом в размытую какофонию разноцветных пятен.

Вспоминаю, что люблю Питер. Всегда любил. Даже когда ещё ни разу в нём не бывал. Приехал раз и навсегда остался. В сочетании с морскими походами Питер раскрывается иначе. Это любовь на расстоянии. В каком бы европейском городе я не побывал, везде находил места, которые «как в

Питере». Тебе всегда не хватает этого города, даже когда он надоел до чёртиков, а от осенней хандры хочется выть. В такие моменты я скучаю по морю. Особенно по Средиземному. Но возвращаюсь всегда в Петербург. Этот город никогда не скажет мне, что больше меня не любит.

По Невскому текут ряды автомобилей, мешая колёсами смесь снега и реагента. Быстро перебегаю дорогу на зелёный. Мимо храмов и баров, стрипух и булочных, пару раз дворами, и вот – я на месте. Захожу внутрь. На ресепшене симпатичная девушка.

БЕСИТ!

Я не опоздал.

– Здравствуйте, – говорю симпатичной девушке. – Я к Денису.

– Добрый вечер, – говорит симпатичная девушка. – Снимайте верхнюю одежду, присаживайтесь. Вас пригласят.

Так и делаю. Через голову, нелепо, словно огромный уставший питон скидывает старую кожу. Вешаю куртку в шкаф.

Девушка симпатичная. Платиновые волосы, деловито пойманные на затылке заколкой -крабом в изящные петли. Симпатичная. Большие зелёные глаза, на старый манер подведенные черными стрелками. Симпатичная. Не знаю почему, но я зол. Не подаю виду.

Подошедший к ресепшену широкоплечий мужчина мог бы без труда сойти за боксёра или вышибалу. Но нет – это

мой психотерапевт.

– Здравствуй, Антон – приветствует он меня своим басовитым голосом. – Пойдём.

– Приветствую, Денис, – отвечаю я и жму его широкую грубую ладонь. Следую за ним.

В маленьком уединенном кабинет не так много утвари: шкаф, столик, диван да пару кресел. Плюхаюсь на широкий удобный диван. Денис садится на кресло напротив меня и произносит:

– Рад тебя видеть, Антон.

– Взаимно, – отвечаю.

И я действительно рад. Насколько это возможно. Ужасающе медленное течение все эти дни неминуемо несло меня к моей собственной гибели. Страшно, долго и бессмысленно. Я не стал дожидаться и вышел из этих вод. Я открыл окно, но чтобы впустить свежий воздух. Тогда я и решил, что мне нужна помощь. Решил написать своему психотерапевту. Сейчас я здесь. Сейчас я рад видеть знакомое лицо старого друга. Лицо с суровыми чертами, но добрыми глазами. Сколько мы не виделись? Месяцев восемь? Девять?

– Как твои дела? – спрашивает Денис. Пока я барахтался в своих мыслях, он, видимо, оценивал мой внешний вид.

– Ну как тебе сказать? Бывало и хуже, – говорю я.

– Врешь, – почти ласково произносит Денис и улыбается.

– Вру, – сдавленно смеюсь я.

Денис всё также дежурно улыбается, но я вижу его обес-

покоенность.

Он говорит:

– Рассказывай.

Понимаю, что это будет очень сложно. Просто дышу.

Дышу.

Все ещё дышу.

– Антон, вынужден тебе напомнить, что я не смогу тебе помочь, если ты сам этого не захочешь, – не выдержав молчания, нарушает тишину Денис.

– Я понимаю.

– Просто начни.

– Ладно, – говорю я, решив выпалить все разом. – Две недели назад я вернулся из рейса. Лиза встретила меня в аэропорту. Как и все разы до этого. Мы не виделись месяцев пять. Я был рад её видеть, а вот она меня… Не знаю. Сказала, что просто устала. Я и сам был измотан долгим перелётом. Мы поехали домой. И впервые за все время у нас не было близости после долгой разлуки. Да и Лиза была дёрганной. Мы просто приняли душ, поужинали и легли спать. Перед тем как уснуть, я спросил, любит ли она меня. Она ответила «да». Утром, как только я открыл глаза, она ответила «нет».

Я слышу, как меняется мой голос. Слова плывут, а к горлу склизким осьминогом подползает мерзкий ком.

Денис протягивает мне коробку с платками.

– Прикалываешься? – удивляюсь я. – Никогда не плакал и не собираюсь.

Он понимающе кивает, ставит коробку на место и говорит:

– Продолжай.

Ком растворился так и не успев дойти до горла. Дышать стало легче. Я продолжаю:

– Выяснилось, что она уже три года как несчастна со мной. Предложил ей перезагрузить отношения, раз уж я теперь тоже знаю о её состоянии. Она отказалась. Попросила освободить квартиру в ближайшее время. И просто ушла. Я снял жилье и переехал через пару дней.

Денис пристально смотрит на меня. Я развожу руками, мол, вот так и оказался здесь.

– Что ты чувствуешь сейчас?

– Помимо невыносимой горечи? Я чувствую, что хочу жить. Но мне нужна помощь. Сам себе я помочь не в состоянии.

– И ты её получишь. Меня радует твоё желание жить. Но что ты подразумеваешь под невыносимой горечью?

– Мне жаль, что так вышло. Пять лет прекрасных отношений. Да, были некоторые проблемы. Последнее время чувствовал, что зреет некий кризис. Но я был уверен, что мы справимся. Докажем своё право перейти на новый этап отношений. Укрепимся в любви.

– Лиза сказала, в чем причина её решения?

– Она устала. Ей больно оттого, что она не могла все это время давать мне такую же любовь, как и я ей. Она надея-

лась, что это просто блажь, но оказалось, что нет. Любви нет.

– Что ты почувствовал, когда она сказала тебе эти слова?

– Я не хотел верить. Много чего предлагал. Но ей ничего не подходило. Она все решила.

– Антон, что ты почувствовал?

– Ничего. Мне было очень её жаль. Она мучилась все это время.

Денис кивает, но я улавливаю его неудовлетворённость моим ответом. Он что-то записывает, а потом спрашивает меня:

– Ты злишься на Лизу?

– Нет, – говорю я и вижу, как у Дениса меняется выражение лица. Он опять что-то записывает.

– Ты её все ещё любишь?

– Я… Я не знаю… Да.

– Ты принял её решение?

– Да.

– А сердцем?

– Да.

– Поэтому ты в таком состоянии?

– Мне нужна помощь, Денис.

– Ладно. Давай переключимся на твоё желание жить. Расскажи мне об этом желании.

– Сегодня я проснулся и понял, что хочу жить дальше. Но как жить без Лизы?

– Ответ в самом вопросе. Дальше надо жить без Лизы.

– Как?! Мне невыносимо больно. Я бухал. Боялся приходить в себя. Надеялся, что боль утихнет сама собой. Но каждый раз, когда я трезвел – боль хватала меня за глотку с новой силой. И я снова напивался, лишь бы не помнить.

– Первое время будет больно. И я не про «время лечит» хотя и про это тоже. Вспомни ту боль, что сопровождает тебя во время пробуждения после пьянки. Тебе больно открывать глаза, но это не значит, что ты продержишь их закрытыми до конца жизни. Ты их откроешь. Потому что хочешь видеть, несмотря на боль. Тебе понятна моя аналогия?

– Весьма буквально, – болезненно хихикаю я. Денису не смешно. Он напряжённо смотрит на меня и повторяет вопрос:

– Тебе понятна моя аналогия?

– Понятна, – говорю я. Мне немного стыдно. – Я не понимаю, как жить дальше.

– На данном этапе достаточно того, что ты просто этого хочешь. Ты пришел в себя. И ты здесь. Ты вытащил себя из цикла.

– Что ты имеешь в виду? Я найду новую женщину и буду с ней счастлив? Да кому я нужен такой?! Лизе. Был. Теперь никому. Посмотри на меня!

– Заткнись! Заткнись! Заткнись!– вспыхивает Денис и вскакивает на ноги. – Всё, сеанс закончен. Я умываю руки.

Я удивленно смотрю на Дениса.

– Чего уставился?! – нервно произносит Денис, хватает

мою куртку с вешалки и швыряет в меня. – Я снимаю с себя полномочия твоего психотерапевта. У меня нет сил слушать эту чушь!

Я недоуменно моргаю. Денис берёт своё пальто с вешалки и быстро его надевает.

– Хрен ли ты расселся?! Вставай, давай! Надо выпить.

Я достаю смартфон из кармана и пытаюсь открыть приложение банка.

– Что ты делаешь? – спрашивает Денис.

– Я хочу за сеанс перевод сделать.

– В жопу себе перевод сделай, – говорит Денис и вырывает телефон у меня из рук. – Подъём! Мы идём в бар. С детства тебя знаю – если ты начал себя жалеть, есть только один способ это остановить.

Я сижу и не понимаю. Действительно, Денис – мой друг детства. Как друг он выходил из себя множество раз. Но как психотерапевт – впервые.

– А ты не думал, что быть психотерапевтом – это не твоё? – спрашиваю я, надевая куртку.

– Быть твоим психотерапевтом – это не моё. Но ты попросил помощи, и я согласился. Это была плохая идея, – говорит он и открывает двери кабинет. – Какого хрена ты мне ничего не сказал?!

– Сейчас говорю.

– Отлично! Сколько бутылок спустя?

– Мне нужно было разобраться.

– Ну и как – разобрался?

– Нет.

Мы идём по коридору к выходу. На ресепшене всё та же симпатичная девушка. Все также…

БЕСИТ!

– Оля, я на сегодня всё. Спасибо, – говорит Денис Оле и выходит на улицу.

– Хорошо, – говорит Оля. Оля. Оля. Смакую. – До свидания.

– Хорошего дня, – говорю я сдавленно, словно мне что-то мешает. Беру куртку из шкафа и следую за Денисом.

Снаружи валит снег. Денис сразу же закуривает.

– Ты пришел ко мне как к терапевту. Спасибо за доверие! Но не пришел как к другу, когда тебе действительно нужна была помощь, – выдыхая дым, говорит он сквозь кашель. – Ну и дрянь! Ношу с собой пачку самых отвратных. Напоминаю себе вкус, когда тянет покурить на нервной почве. Держи.

Денис протягивает мне сигарету. Впускаю гадость в лёгкие. Зачем? Рудиментарная привычка безмозглой юности. Но сейчас я курю. Кашляю. Медленно умираю в красивой позе.

– Дэн, вот мне сейчас вообще не хочется выслушивать подобное, – говорю я, выдыхая мутный грязный дым. С сигаретой в зубах натягиваю на себя куртку через голову. Чудом мне удаётся это сделать. Чёртова молния!

– Ладно, пошли пить, – говорит Денис, и мы выдвигаемся в ближайший бар.

– Вообще мне хотелось бы бросить пить, – говорю я.

– И ты бросишь. Но не сейчас. Я тебя давно знаю. Сейчас в тебе будут вызревать умозаключения и неоднозначные выводы. Потом ты все соберёшь в кучу и напишешь очередной рассказ о том, как именно ты оказался по уши в таком дерьме. И все это под аккомпанемент оборотистых напитков, разумеется. В лучших традициях писателей старой школы, – говорит Дэн, обходя кучки снега на тротуаре. – Всегда бесила твоя почти театральная страсть к драме. Но ты напишешь о том, как ты выбрался из этой задницы, и по итогу – это будет охренный рассказ. Я тебе помогу.

– Отлично. Тогда надо выпить. Все-таки быть другом у тебя получается гораздо лучше, чем терапевтом.

– Заткнись. Вернёмся к твоему желанию жить. Рассказывай.

Мы выходим на Невский проспект и уверено лавируем в людском потоке.

– Да нечего рассказывать, – говорю я и выбрасываю окурок в ближайшую урну. Въедливая табачная вонь на пальцах и как будто бы в самих ноздрях. – Просто хочу, чтобы было как раньше.

– Тоха, как раньше уже никогда не будет. Ты это понимаешь?

Я молчу.

– Ни хрена ты не понимаешь.

– Молодые люди, добрый вечер! Заходите к нам отдохнуть! Самые красивые девочки в городе! Не пожалеете! – бойко зазывает нас молодой парень.

– Нет, – говорю ему грубо. Грубее, чем стоило бы.

Мы почти пришли, но Денис чуть отстаёт. Я чувствую, как он сверлит мой затылок взглядом.

– Что? – спрашиваю.

– Что тебя триггернуло на агрессию сейчас?

– Не понял.

– Ты наорал на пацана. Он просто выполняет свою работу. Или дело не в пацане?

– Давай выпьем, а потом ты будешь до меня ковырять, – говорю я и тяну за бронзовую ладонь, которая на двери этого бара заместо ручки.

– Интересно, – говорит Дэн.

Заходим внутрь.

Бар небольшой. Барная стойка буквой «П» в центре которой суетятся бармены. У стен высокие столики, больше похожие на длинные полки. Повсюду без определённого порядка расставлены барные стулья. Напротив стойки огромное окно с сидушкой вместо подоконника и единственный нормальный стол. Туда и падаем. Повезло. Обычно тут битком народу, как креветок в трале в самый разгар сезона.

– Как обычно? – спрашивает Дэн.

– Разумеется.

Дэн заказывает набор фирменных настоек.

– Пьём за мой счёт, – опережает Дэн моё предложение угостить его. – Бабки тебе ещё пригодятся. Тебе предстоит перекопать ещё много дерьма. Она уже подала на развод?

– Да. На следующий день.

– Понятно. Всё заранее подготовлено.

– Настойки готовы, – кричит бармен, и Дэн в два шага доставляет охапку настоек на наш стол.

– Будем!

– Будем!

Я залпом выпиваю. Арахисовая. Ласковая, как голос матери. Сытная, как подзатыльник отца. Алкоголь укутался во вкус арахиса, как транс в перья, но мой пропитый организм без всякого подвоха чувствует высокий градус.

– Я скучал, – говорит мне Дэн.

– Я тоже.

– Жизнь взрослого мужчины. Семья, работа.

– Всё ещё называешь ту хрень, которой ты занимаешься, работой? – подначиваю я Дэна, по старой доброй традиции.

– Я помогаю людям.

– Ты помогаешь худеть их кошелькам. Психотерапевт?! Ты?! Сколько носов ты сломал? Сколько зубов и потерял, и выбил? Лично мне выбил два!

– Это были молочные. И не забывай – ты первый разбил мне нос.

– Ты издевался надо мной, маленький говнюк. Но после

драки перестал. Нам было по восемь? Девять? Но ты рос и продолжал ломать лица.

– У меня были проблемы с агрессией. И мне помогли с ними справиться. Теперь и я помогаю людям справиться с их проблемами. Так что закройся.

– Узрите! Воистину! Путь искупления! – дурачусь я.

Дэн смеётся. Он действительно очень изменился с возрастом. Хулиган и задира прошёл свой путь и стал хорошим человеком. И хорошим специалистом, но этого ему никогда не скажу. Однако время от времени я вижу былой огонь в его глазах. Как сегодня, например. И я видел, как он его укротил.

– Ладно, – говорит Дэн, посмеиваясь. – Мне есть чем ответить. Но сначала выпьем.

В маленьком стеклянном сосуде плещется адская жидкость. Я опрокидываю стопку так же легко, как эта стопка опрокинет любую чрезмерно уверенную в своих силах малолетку. Малина–Чили, как конфетка с напалмом вместо начинки. Сладкая поступь дьявола в длиннющем плаще из пламенеющей боли, если бы дьявол был моделью, а твой рот – подиумом.

– Моя очередь, – говорит Дэн. По его покрасневшему лицу течёт скупая слезинка удовольствия. – Ты всегда был нытиком, сколько я тебя знаю. Книжный червь и умник. Тебе бы сидеть в душных аудиториях и преподавать литературу. Но нет! Ты решил в моря уйти! Начитался своих Лондонов с Хэмингуэями. Ну и что теперь? Ты такой же нытик, но ещё

более оторванный от реальной жизни. Мир хочу посмотреть, говорил. Ну и как?

– Мир прекрасен.

– Дай угадаю! Но тебе в нем нет места?

– Типа того, – смеясь, говорю я.

– Ладно, что думаешь делать?

– Для начала бросить пить.

– Неплохо! За это надо выпить!

И мы пьём. Манго–Банан. На моем языке шествует тропический карнавал, а в голове поют попугаи. Да, в моей попугаи поют. Слегка даже приторная фруктовая мешанина скручивает мой возраст, как автобарыга пробег у уставшей иномарки. И вот мне снова пять лет, и всё невыносимо сладко и вкусно. Но крепкий градус возвращает меня обратно в реальный возраст, где мне всё невыносимо обыденно.

– У Лизы другой?

– Нет.

– Уверен?

– Да. Признаться, мне бы хотелось, чтоб у неё был другой. Мне бы так проще было понять.

– Тебе проще было бы разозлиться.

– Да, наверное.

– А сейчас ты злишься на Лизу?

– За что? Ей также плохо, как и мне.

– Это не значит, что тебе не стоит злиться.

– Во мне нет зла на неё, Дэн. Просто тотальное непони-

мание. И горечь.

– А обида?

– И обиды нет. Просто так случилось. Никто не виноват.

– Сильно сомневаюсь. Лиза действует в своих интересах. Допускаю, что когда-то ей было плохо. Жаль, что тогда она не нашла в себе силы сказать тебе об этом. Зато она нашла в себе силы хладнокровно избавиться от тебя сейчас. Что на счёт квартиры?

– Оставлю ей.

– Ага, покупали вместе. А остаётся ей.

– Да. Он обещала компенсировать мою долю деньгами.

– Когда?

– Когда-нибудь.

– Здорово. Смотри, что получается в сухом остатке. История старая, как само время. Люди расходятся. Лиза нашла в себе силы выбрать себя в конце вашей истории. Её право. Теперь дело за тобой. Чтобы найти в себе силы, тебе нужно ПРОЖИТЬ эту историю, а не прятаться в бутылке.

– Как?

– Я не знаю, друг. Для начала – осознай ситуацию.

– Я могу вернуть Лизу.

– Тоха, будешь пытаться вернуть Лизу – потеряешь себя. Всё кончено. Тебе нужно обрубить связь с ней.

– Как?

– А как на верфях последний строп обрубают, и судно несётся со стапелей в воды мира, чтобы уверено идти своим

путём, ведь в кончено итоге для этого оно и создано, – сам, видимо, удивившись себе, выдаёт Денис. – Переспи с другой женщиной. Например.

– Я никогда не изменял. И не буду.

– Изменять?! Кому, Тоха?! Кому? Лизе? В твоей жизни больше нет Лизы. Есть только ты и твоя боль.

– Ты прав, Дэн, – говорю я и беру очередную стопку. – Есть только я и моя боль. И боли много. Будь так любезен, друг мой, выпей со мной, дабы смягчить эту боль. Хотя бы на мгновение.

Дэн тоже берет стопку, и мы чокаемся. Переворачиваю стопку в себя почти так же ловко, как это когда-то делал мой отец, алкоголик и неудачник.

Свёкла–Шоколад. Бурое жидкое нечто течёт сквозь меня, как время течёт сквозь наши мечты. Нелепое, казалось бы, сочетание выкручивает мои вкусовые соски до предела. Сладкая горечь обволакивает меня так же лукаво и ласково, как врачи в платных клиниках произносят итоговую сумму. Хочется плакать, но я почему-то смеюсь.

– Тоха! Руби!

– Я не могу.

– Надо, Тоха. Клин клином.

– Возможно, ты прав. Но я не готов.

– Готовым надо было быть три года назад. Ты уже всё просрал. Теперь надо расхлёбывать. Ещё раз повторяю – выбирай себя!

– Выбирай себя, – повторяю я слова Дениса, разглядывая пустую стопку.

– Именно! А теперь, дружок, я вынужден тебя оставить. Меня ждут дома. Чувствую, скоро позвонит жена, – говорит Дэн, и в его кармане тут же начинает звонить телефон. – Ну вот! Извини.

Денис отходит поговорить с женой. Когда-то и я делал также. Нет, у меня не было секретов. Просто разговор с Лизой всегда для меня был интимным. Мне хотелось тишины, когда я слушал её голос. Может, расхерачить стопку об стену?

– Мне пора, друг. На данный момент могу посоветовать погулять по городу. Пообщаться с людьми. Когда тонешь в себе, полезно послушать других. Поверь, людям есть что рассказать тебе. Тех, кто ищет, всегда находят. И постарайся не нажираться в сопли. Пить ты бросишь, я знаю. Я помогу. Но это надо делать постепенно. А пока я подыщу тебе нового психотерапевта, – говорит мне Денис и протягивает руку для прощания.

– Спасибо, – говорю я и жму его здоровенную ручищу.

– В любое время, зануда, – говорит он и направляется к выходу. – И почини молнию на куртке. Всё! На связи.

Дэн выходит на улицу и, проходя мимо окна, выкручивает из кулака смачный фак. Специально для меня. Приятно.

Мой друг растворяется в толпе, а я начинаю растворяться в себе. Таять, как жир на сковородке. Другие отвлекают нас

от нас самих. Нет, мне нельзя оставаться одному. Воспользуюсь советом Дениса и отправлюсь на поиски историй. Может и правда написать обо всём, что со мной происходит? Интересно, воспримет ли кто-то это нытье всерьёз?

На импульсе срываюсь с места. Привычно накинув куртку через голову, поспешно прощаюсь с барменами и вылетаю наружу. Снег сменил стиль, словно на панели управления небесного генератора снега кто-то переключил режим с «колючая стружка» на «мягкие хлопья», а ползунок ветра убавил на минимум. Хлопья льда лениво вальсируют к земле. Сама атмосфера словно вязнет в слоумо. И я бы тоже замедлился, если бы не бурный поток людей по каменным руслам улиц. Нужно двигаться и мне.

Пусть тогда дорога ложится под ноги идущего. Курева при себе не ношу, но сигаретку бы сейчас выкурил. Стреляю одну у проходящего мимо парня. Прошу огня. Спасибо, добрый человек. О, ещё и с кнопкой! Ломаю капсулу в фильтре с приятным щелчком. Гадость становится фруктовой. Хитрый маркетинговый ход изобретательных умов табачных корпораций. Теперь смерть со вкусом вишни! Вдыхаю её. Смакую. Выдыхаю в небо.

Привожу свои ноги в движение. А во мне просто играет мотив, который я никак не могу разобрать. Словно слышу что-то, и мне нравится, но никак не могу разобрать. Просто иду.

Беседа с Денисом помогла мне. Не совсем понимаю как,

но помогла. Я сдвинулся с места. Или что-то вроде того. Я по-прежнему чувствую боль, но не чувствую её застывшей. Боль подвижна, а значит – может уйти. Если её выпустить. Должна уйти.

Углубившись в себя, я не замечаю, как докурил сигарету до фильтра. Выбрасываю окурок в урну и чувствую на себе чей-то взгляд. Парнишка – промоутер, которому я недавно нагрубил, смотрит на меня с опаской. Очевидно, он не видит во мне потенциального клиента. Ну что ж, поможем ему. Пусть его история будет первой.

– Вечер добрый, – говорю парнишке, подойдя к нему поближе. – Говоришь, лучшие девочки в городе?

Парнишка меняется в лице и обрушивает на меня весь свой талант зазывалы:

– Разумеется! Заходите, не пожалеете! Ощутите на себе потоки сексуальных энергий! Узрите грации танцев! Даже другие девочки приходят посмотреть на наших девочек! Зайдите, осмотритесь. Если не понравится, уйдёте. Экскурсия бесплатная.

Парень щеголяет словами. Мне это нравится.

– Я ни разу в жизни не бывал в стрип – клубе, – смеюсь я.

–Тогда вы по адресу! Ваш первый раз будет шикарным! Вы в надёжных руках! – с азартом тараторит парнишка. – Добро пожаловать! Есть ли у вас купюры?

– Купюры?

– Да. Желательно мелкие. Можно и переводами, но в этом

нет тактильности. И смысла.

– Понял тебя. Купюр нет.

– Здесь рядом банкомат. Могу провести.

– Как же ты оставишь пост?

– Мой коллега меня подменит.

– Отлично. Веди.

– Сюда, – говорит парнишка и указывает направление. Надо спросить, как его зовут.

– Дружище, как тебя зовут? – спрашиваю я парнишку.

– Кирилл, – отвечает мне Кирилл.

– Я Антон, – говорю ему.

– Приятно познакомится, Антон. Хочу сказать, вам чертовски повезло! Первый раз и сразу к нам!

– А я хочу сказать тебе, Кирилл, что ты не зря ешь свой хлеб. У меня не было желания смотреть на голых дамочек, но вот я иду с тобой за наличкой. И ты же понимаешь, что я слукавил про первый раз?

– Разумеется, – отвечает мне Кирилл, обернувшись ко мне. – Но это не отменяет вашего везения. На все есть свои причины. Причина вашего визита – удача. Открываясь Миру, будьте уверены – Мир даст вам шансы. Всё просто. Мы пришли.

Я захожу в небольшое помещение с банкоматами. Слегка мешкаюсь. Во мне по-прежнему нет желания другой женщины. Даже просто смотреть. В каждой я буду видеть её. К чёрту! Пусть это будет удача. Чтобы это не значило. Нескольки-

ми движениями извлекаю из ящика приличную пачку разноцветных купюр, кладу в кошелёк и выхожу обратно. На улице меня дожидается словоохотливый Кирилл.

– Ты говоришь про судьбу? – возобновляю я беседу.

– И про неё тоже. Просто получите удовольствие от сегодняшнего вечера. Ведь это вы вышли из дома, а значит – вы чего-то ищите.

Кирилл прав. Я действительно чего-то ищу. Ещё бы понять, чего именно? Пока понимаю лишь то, что не хочу оставаться один.

– Ты лихо крутишь словами. Тебе кто-нибудь это говорил?

– Да. Я пишу текста.

– Какого рода текста?

– В основном заметки к фотографиями. Хотите ссылку на канал скину?

– Да, давай. Почитаю на досуге. Я тоже писал. Рассказы.

– Почему перестали?

– Хороший вопрос. Ты не против, если я присвою наш диалог?

– Да, пожалуйста. То, что остаётся в памяти – навсегда принадлежит нам.

– Сказано неплохо. Я знаешь что заметил, Кирилл? В Питере редко допустим, промоутер, просто промоутер. Он либо музыкант, либо художник, либо кто угодно ещё.

– Либо учится. Все хотят есть. Мы пришли.

– Спасибо за беседу, Кирилл. Начинаю верить в удачу. Последний вопрос – скажи мне, друг, ты в подштанниках?

– Зимой всегда, – смеясь говорит Кирилл и задирает штанину. Под штаниной вижу чёрную ткань подштанников, плотно облегающую ногу. – Скажите, что вы от Кирилла.

– Так и сделаю, – говорю я и спускаюсь в помещение на цокольном этаже.

Меня встречает девушка–хостес.

– Здравствуйте, – говорит девушка. – Добро пожаловать! Вы на экскурсию?

– Нет, – отвечаю. – Ваш промоутер Кирилл очень хорошо работает. Я сразу сяду за столик.

– Отлично! Депозит – одна тысяча рублей.

Я выдёргиваю из пачки в кошельке одну бумажку и отдаю хостес.

– Отлично! – говорит она и подаёт кому-то знак. Игравшая музыка сразу сменяется другой, более энергичной. Ощущаю, как начинается едва заметная суета, словно в оркестровой яме дождались припозднившегося дирижёра. – Сюда, пожалуйста.

Девушка ведёт меня в зал. Вдоль стен расположены ниши со столиками, а в центре стоит пилон с тремя шестами, вокруг которых под музыку вьются красивые девушки. Смотрят на меня. Словно оценивают. Даже те, кто уже сидят с гостями. По моим прикидкам, кроме меня в зале ещё четверо мужчин.

– Ваш столик, – говорит девушка.

– Спасибо, – говорю я и сажусь.

Музыка резко меняется. На пилоне остаётся только одна девушка и сразу меняет танец. Две другие девушки подсаживаются ко мне за столик.

– Привет, – говорит первая. Блондина. Волосы длинные.

– Привет, – говорит вторая. Брюнетка. Каре.

– Привет, – говорю я. Девушки приятной наружности и по очевидным причинам расположены пообщаться со мной, но я чувствую некую робость в себе. И они, видимо, тоже. Поэтому девушки лучезарно мне улыбаются и изо всех сил хотят понравиться. И нравятся. Но я напряжён, словно перед дракой. Что это? Стыд?

– Ваш джин, – говорит официантка и ставит стакан на стол прямо передо мной. – За счёт заведения.

Работают профи. Процесс отлажен. Приятно.

– Спасибо, – говорю и приканчиваю порцию одним поднятием. Джин попадает в меня, как впервые попал много лет назад. В самое сердце. Всегда попадает. И чем больнее сердцу, тем точнее попадает. Так повелось. Вчера ночью, в очередной раз упившись джином до полусмерти, сегодня вечером я радуюсь его вкусу, как ни в чём не бывало.

Ставлю пустой стакан на стол. По телу разливает лёгкая истома. Начало чего-то приятного. Хотелось бы. Или я снова захлебнусь болью.

– Антон, – говорю я, словно сдавленно. – Меня зовут Ан-

тон.

–Лиза, – называет мне своё имя блондинка. Это имя меня дёргает, словно выстрел у самого уха. Подумаю об этом позже, а пока хочу ещё выпить.

– Милана, – произносит своё брюнетка. Это имя я хочу слышать и произносить.

– Очень приятно, – говорю и понимаю, что хочу сорваться с места. Меня всё бесит. Однако Милана смотрит на меня своими голубыми глазами с необычным разрезом, и я решаю побыть тут ещё некоторое время. Во мне что-то просыпается. Что-то сонно рычит. Злое от пробуждение. Или от затянувшегося сна. Рука произвольно тянется к стакану, но в нём лишь талая вода.

Музыка вновь резко меняется. Девушки вскакивают и мчатся каждая к своему шесту. До меня доходит, как тут всё устроено.

Для создания нужного впечатления и чтобы вызвать в новых гостях заинтересованность, все девушки временно переходят в режим повышенной боевой готовности. Так было и со мной. Когда гости решат, остаться или нет, музыка сменится на другую, не парадную, и все разойдутся по своим местам. В скором времени так всё и произойдёт.

Я заказываю сразу бутылку джина, лёд и свежий, тонко нарезанный огурец. Красиво пить не запретишь. В одно мгновение на моём столике появляется лазурная, как слезы ангелов, бутылка Бомбея. Что ж, я не один, как и хотел. Всё

лучше, чем глушить дома в одного. Я с огромным удовольствием наливаю в низкий стакан, бросаю в него лёд, огурец и выпиваю всё залпом. И второй раз. Третий. На четвёртый музыка меняется и к моему столику возвращается Милана.

– Извини, – говорит она, подходя к столику. И почему-то только сейчас я признаю, что Милана чертовски привлекательна. Словно концепт Барби, придуманный художником хентая. Большие голубые глаза, маленький вздёрнутый нос, маленький же рот с сочными губами, стройная шея, грудь троечка, слишком тонкая талия, плоский живот, длиннющие ноги на высоких каблуках. Чёрные линии белья чуть прогибают под собой её фарфоровую кожу, контрастируя на ней, словно линии кузова на белом спорткаре.

Я хочу перейти на ты.

– Ничего, – говорю я откровенно облизывая тебя взглядом. Мне нравится это нарастающее чувство во мне. Оно плещется в джине, как рыба в воде. – Присаживайся. Твоя подруга к нам не присоединится?

– Нет.

– Ладно, – говорю, осознавая свою радость от того, что удалось остаться с тобой наедине. – Выпьешь?

– Секс на пляже, – говоришь.

Джин у большинства женщин не в почёте. К моей огромной радости.

– Хороший выбор, – говорю и перехватываю пробегающую мимо официантку. – Я тоже люблю пляж.

Бесстыдно смотрю тебе в глаза. Жду твоей реакции на ту откровенную чушь, которую только что произнёс.

Смеёшься. Изящно прикрываешь ротик тоненькой ручкой. Как в аниме.

Есть контакт.

Ты моя.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты очень анимэшная? – спрашиваю я, удивляясь новому звучанию моего голоса. Он звучит иначе. Мне нравится.

Я не настолько пьян, чтобы не отдавать себе отчёт в том, что в подобных местах вряд ли стоит искать взаимности. Но у меня и нет желания чувствовать взаимность.

– Нет, – говоришь и улыбаешься. Похоже, тебе тоже нравится мой голос. – Что это значит?

У меня есть желание просто чувствовать. Хоть что-то.

Я говорю:

– У тебя очень выразительная мимика. И большущие глаза! Какая в тебе кровь?

И я чувствую.

Ты говоришь:

– Ну, моя бабушка была японкой.

Слышу своё нутро.

Я говорю, смеясь:

– Теперь всё понятно.

Во мне пульсирует энергия.

Ты спрашиваешь:

– Что понятно?

И делаешь приличный глоток из бокала. Куда ты торопишься?

Ощущаю, как выправляются мои плечи.

Я говорю:

– Почему ты мне нравишься.

Все во мне твердеет.

Ты спрашиваешь:

– Нравлюсь?

На хищных мягких лапах ко мне подбирается похоть.

Я отвечаю:

– А разве не видно?

Ты смеёшься. И пьёшь.

– Редко слышишь комплименты? – спрашиваю.

– Такие редко.

По твоему нарочито кокетливому взгляду вижу, что и я нравлюсь тебе. По естественным причинам, хоть мужчина для тебя чаще копилка, которую нужно хорошенько потрясти, чтобы были карманные деньги. Я долгое время был вне игры. И сейчас, словно вслепую нащупываю струнки, нервы, слова и мотивы. Отчаянно импровизирую. Нарвался-таки на взаимность. Чутье ведёт меня тайными тропами. А стыд захлебнулся джином. Я наглею.

– Как тебя зовут?

– Милана.

– Как тебя зовут в реальной жизни?

– Милана.

– Не верю.

– Тебе паспорт показать?

– Покажи.

Ты срываешься с места, оставив на столе пустой бокал. Что ж, возможно, я тебя и спугнул. Тоже мне, птичка. Пока закажу ещё один «Секс на пляже». Не исключаю, что для тебя. Выпью, пожалуй.

Ты падаешь рядом со мной и говоришь:

– Вот.

Чувствую твой запах. Смотрю на первую страницу твоего паспорта. Читаю: «Милана».

Я говорю:

– Спасибо за искренность! В наше время это большая редкость. Особенно от красивых девушек. Давай выпьем!

Пробегавшая мимо официантка ставит большой коктейль перед нами. Когда я успел его заказать? Хрен с ним.

Мы стучим стеклом об стекло и пьём. Краем глаза замечаю дату твоего рождения, когда ты закрываешь паспорт.

– Ты ещё и родилась в один день с моей матерью.

– Да ну?!

– Сам в шоке.

– Это знак! Выпьем!

– Выпьем!

И мы пьём. Занюхиваю джин твоими волосами. А ты и не против. Никогда не занюхивал джин ничем. Просто хочу

нюхать твои волосы. Ты смеёшься.

Спрашиваешь:

– Нравится?

– Я окончательно обольщён, – говорю и беру тебя за руку. Разглядываю тату на твоём запястье. – Это дракон? Расскажи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.